

18+

Пылай для меня

Павелко Ксения

Ксения Павелко

Пылай для меня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67871670

ISBN 9785005674418

Аннотация

Эта история не стремится понравиться. Она – о боли, которую не заглушить работой. О ледяном молчании в браке, удушающей опеке начальника, о чувстве, что от тебя осталась лишь автоматическая версия. Долг – это не нить. Это тягучая и древняя смола. Чтобы выжить, придётся отрывать, даже ценой чужой боли. И ты это знаешь. Эту книгу нельзя было придумать. Её можно было только прожить. Она стала моей личной терапией, когда мир вокруг рушился. И я протягиваю тебе руку. Выстоим? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пылай для меня

Ксения Павелко

© Ксения Павелко, 2025

ISBN 978-5-0056-7441-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

слышно как мир рушится

– Дай мне развод.

Три слова. Три глухих хлопка в опустевшем офисе. Пальцы сжали телефон, вжимаясь в холодный пластик. Я ждала ответа – крика, скрежета, хоть чего-то.

В трубке – густая тишина, настолько, что слышно собственное сердцебиение. Потом – ровный, механический гудок.

И всё?

«Сбросил», – холодная мысль поползла по коже, как иней.

«Он просто сбросил», – обида подкатила к горлу, сдавив его сухим спазмом

Воздух вырвался свистящим выдохом. Телефон шлёпнулся о стену. Экран цел. Слава богу. Новый мне не по карману.

Всего лишь десять лет разбились вдребезги. Всего лишь.

Экран вспыхнул: *«Остынь и приходи домой. Поговорим.»*

Чуждый смех вырвался из горла и тут же оборвался, оставив на губах привкус желчи. Слез не было. Слов – тоже.

Запястье просверлила знакомая, ставшая частью меня, боль. Тупая, ноющая. Рука сама потянулась к ящичку, нащупала шершавую упаковку. Одна таблетка. Вторая. Осталось на один раз. Я закрыла ящик. Пусть поноет ещё.

Стук в косяк. Я вздрогнула. В дверях стоял Кирилл. Его улыбка была инородным телом в давящей тишине.

– Ты собираешься тут ночевать?

– Нет. Просто не хочу домой.

– Это уже привычка, – голос его был плоским, без осуждения.

– Я там – тень. Нужная, лишь чтобы по счетам было чем платить.

Кирилл достал из кармана пиджака расчёску. Ритуал: каждый волосок – на место.

– Не хочешь возвращаться?

Я мотнула головой:

– Мне просто хочется, чтобы кто-то дома... радовался мне.

– Заведи кота.

Усмешка вырвалась сама собой.

Кирилл убрал расчёску и пододвинулся ко мне:

– Оль, мой вечер испорчен. Пошли в бар?

Я сохранила отчёт. Уставилась на цифры. План был дурацкий, невыполнимый, рождённый в воспалённом мозгу какого-то стратега, который никогда в жизни не сидел в душном офисе в десять вечера. Но я выполняю. Офис знал это. Он чувствовал мою покорность, мою жажду утонуть в работе. Главное – не думать, зачем. Иначе сердце поцарапаешь о то самое «иначе» – о жизни, которая могла бы быть.

Могла бы...

Офис замер, притаился, будто боялся, что я сейчас очнусь и сбегу. Он выжидал.

Монитор погас. И офис, уставший от дневного людского шума, с облегчением выдохнул, разжимая хватку и выпуская меня из кресла.

Это был мой ритуал: заглушить одно «иначе» другим, более громким. Работа заглушала развод, бар заглушал работу. Круг замкнулся. Я стала белкой в колесе, притворяющейся, что бежит к свободе.

Коридор был поглощён тьмой, которую пронзал лишь одинокий красный глаз аварийки. Он горел, как сигнал тревоги, который все научились игнорировать. В багровом свете, у двери лифта, ждал Кирилл.

– Бежим, – он толкнул меня к лифту. – А то охранник решит, что мы тут ночуем, и начнет читать лекцию о вреде трудоголизма.

– А разве нет? – я зевнула, заходя в кабину, и словила в зеркале свое изможденное отражение. – Хотя ты прав. Мои мешки под глазами уже начали плодиться.

– Тогда мы братья-еноты, – улыбнулся Кирилл, указывая на свои темные круги под глазами.

Стойка охраны была пуста. Я торжествующе посмотрела на Кирилла. Он фыркнул, но в уголках глаз заплясали чёртики – мы были соучастниками этого ночного побега.

Ночной город встретил влажным воздухом, пропахшим дорогим одеколоном Кирилла.

– Даже сигареты не перебьют твой одеколон.

– А я и не маскируюсь, – парировал он. – Пусть мир знает, что здесь прошёл человек со вкусом.

«Lend time» («Одолжи время») – вывеска, давно смирившаяся с собственной агонией, растеряла несколько букв и теперь огрызалась в ночь усеченным, пророческим «end time» («Конец времен»). Этот бар, с его кислым запахом потерянного рая, стал для нас уютным убежищем.

– Переезжай ко мне, – его предложение повисло в воздухе, как дым.

Я покачала головой, проводя пальцем по влажному конденсату на стакане.

– Нет, Кир. Мне одной клетки хватит. – И кивнула в сторону стойки. – Присмотрись какая симпатичная.

Уголок его рта дрогнул.

– Мне не нужна официантка.

– И я.

– Не надеялся, что ты согласишься.

В его глазах не было обиды, лишь понимание. Странно, кто-то уважает мои границы, даже когда я сама их уже давно предала.

Я качнула стакан, заставив лёд звякнуть.

– Сегодня даже твой отчим спрашивал, всё ли у меня хорошо.

– И что ты сказала?

Я откинулась на спинку дивана. Искусственная кожа с го-

дами стала потёртой, как ссохшийся пластырь, намертво впитавший в себя чужой пот, слёзы и откровения.

– А что должна была? Я работаю на износ, его это устраивает, меня тоже.

Диван скрипнул, недовольный моим ответом.

Виски оставило на языке обжигающую сладость.

– Я попросила развод. – Слова повисли ядовитым облаком. Кирилл замер. – Он... попросил неделю. Как будто за семь дней можно воскресить мёртвое.

– Неделя – это много. Ты за неделю можешь понять, чего хочешь на самом деле.

Иногда мне кажется, я стала тем, что живёт в темноте между стен, – прозрачным, беззвучным, питающимся крохами чужих эмоций. Долг – это не нить. Это смола. Тягучая, древняя. Я не могу его стряхнуть, потому что знаю: под ней бьётся чьё-то другое, угасающее сердце. И моё молчание – это воздух, который я ему отдаю, вдыхая взамен запах тления. Не могу бросить его в той пустоте, что мы когда-то по глупости называли «мы». Эта пустота теперь имеет вкус. Вкус холодного чая в стакане, оставленном на ночь.

Я расплатилась за виски, за друга, за этот вечер. Купюры на столе – последние монеты Харону. Я сунула руку в карман, и пальцы наткнулись на холодный металл.

Ключ.

Один-единственный, потёртый ключ от двери дома. Он ждал. Лежал в кармане непосильным грузом, который так

хотелось оставить под дверным ковриком и уйти. Уйти навсегда.

И Кириллу хотелось того же. Не трусливо сбежать, а уйти с твёрдым правом на свою жизнь.

Он закурил и нехотя заговорил:

– Завтра приезжает один руководитель на стажировку. Ты хорошо располагаешь к себе людей. Поможешь разведать?

Он был моей единственной опорой. Я кивнула.

Конечно помогу.

Окно моего дома пылало на лице ночи жёлтым, гнойным светом. Я толкнула калитку, и её скрип был похож на стон старого пса, которому наступили на лапу. Дом не спал. Он бодрствовал – тяжёлый, насыщенный немymi упрёками, как тело, налитое формалином прошлого.

Взгляд зацепился за щель между рамой и шторой. Тускло поблёскивала металлическая собачка. От замка розовой курточки. Та самая. Я забыла её там в тот день, когда разбирала вещи. В тот день, когда проревела над ней часа два, а потом убрала подальше. Немой укор. Я вырвала взгляд. Сердце застучало в висках. Ключ с скрежетом вошёл в замочную скважину.

Одноэтажная бетонная коробка встретила меня запахами сырой штукатурки, дешёвого пластика и шуршащего отчаяния. Да, отчаяние имеет запах. Он узнаваем даже в парфюмерном магазине. Затхлый, сладковатый, как гниющее дерево.

Хозяева, строя этот сарай для винограда, и не думали, что в нём будут коротать свои дни люди.

В комнате Виталий сидел перед телевизором. На столе стояла тарелка, накрытая крышкой. Рыба с картошкой. Моё «простое».

– Я поел. Это тебе. Разогрей.

Не ждал, но оставил.

– Спасибо, – прошептала я, голос сорвался.

Есть не хотелось, но я разогрела и села за стол, машинально проглатывая куски. Он вышел, поставил передо мной стакан воды.

– Почему так поздно?

– Много работы. – Я отпила. – Посидели с Кириллом в баре.

Он кивнул. В его глазах не было привычного укора. Только усталость.

– Ты могла бы предупредить.

Предупредить? О чём? О том, что мне физически невыносимо переступить порог этого дома? Что каждый вечер – это игра в счастливую семью, в которую никто из нас не верит? Сказать, что я тону, Вит? Ты бы услышал? Или просто ещё раз вздохнул, как сломанный механизм?

– Да, – согласилась я тихо. – Могла. Не подумала.

Он сел напротив, его пальцы принялись барабанить по столу старый, нервный ритм.

– У тебя кто-то появился?

– Нет, – я бросила на него сердитый взгляд. – Реально нет. Просто... работа и все.

– Я беспокоюсь. Ты изменилась.

«А кто виноват?» – ядовитая мысль обожгла язык.

– Я устала, Вит. Просто устала.

Он помолчал, глядя на свои руки.

– Знакомый зовёт в дальнотойщики. Деньги – река. Только первое время нужно долг за фуру выплатить, поэтому процент низкий.

Я представила его за рулём фуры. Представила его разбитую машину, его двенадцать проваленных работ. Но в его голосе слышалась не привычная пустая бравада, а смутная, давно забытая надежда. Попытка.

– Это... далеко, – осторожно выдохнула я.

– Ну да. Но может, тогда... съедем отсюда.

«Съедем». Это слово повисло между нами зыбким перемирием, готовым рухнуть от одного неверного слова.

– Ты же не умеешь даже парковаться, – мягко сказала я. Старая, забытая шутка.

Уголок его рта дрогнул.

– Научусь. Фуры вроде просторнее.

Я отодвинула тарелку.

– Спасибо. Было вкусно.

Он кивнул.

Вибрация в кармане стала спасательным кругом. Я молча показала мужу на телефон и выскользнула в ночь, вжимая

трубку к уху.

– Ты почему не спишь? – мой голос сорвался на шёпоте.

– Игорь свалил. Притащил два бочонка своего вина.

В её голосе не было злости – лишь изнуренная, обжитая, как старый халат, обида.

– Значит, пора тебя навестить.

– Когда одна в квартире, так тихо, аж в ушах звенит. Кажется, сейчас и этот звон перестану слышать и всё... исчезну. Ты.. приезжай. Вы же помирились?

– Не знаю. Я ничего уже не понимаю, Аля.

В трубке – лишь звон посуды. Тоска завывала внутри так громко, что я инстинктивно сгорбилась, словно от удара.

– Не хочу ныть, – голос оборвался. Я молчала, и тишина заставила её договорить: – Меня от Ленки просто тошнит!

– Сокурсница с квартирой? – я с трудом выуживала нужный образ из галереи её друзей.

– Ей за курсы визажиста машину подарили. Машину, Оль! Представляешь?

– И что? Хочешь, чтобы и тебе купили немного любви?

– Чтоб она сдохла! – выкрикнула Алина. И тут же сдулась: – ...Вот поэтому Игорь меня и не любит. Я – гадюка.

– Ты ёжик. – Тишина в трубке опешила. – Вся в колючках, а развернешь – мягкая и добрая. Просто мало кто хочет разворачивать ёжика.

Дверь приоткрылась, разрезая тьму полосой света.

– Идём спать.

Простыня вздохнула холодом, будто предвидя непростой разговор.

– Почему? – его голос в темноте прозвучал приглушённо.

Потому что я здесь умираю.

Я ждала этого вопроса. Но слова прилипли к горлу комьями ваты.

– Нам нечего делить, – выдохнула я в подушку.

– Что делить? – он перевернулся, и я кожей почувствовала его взгляд. – Воздух в этой норе?

Эта «нора» была для меня берегом с острой галькой, на котором мы оба, притворяясь рыбами, медленно задышались. И моя вина была в том, что я, в отличие от него, помнила, как пахнет море.

– Мне нужна свобода, Вит. Хотя бы просто молча посидеть в своей комнате.

– Свобода, – он повторил это слово с обречённостью. – От меня, значит.

– Не от тебя. От... этого. – Я обвела рукой в темноте, указывая на стены, на всю эту жизнь.

От слова «свобода» повеяло трупным запахом. Цепи. Я просто переложила их из его рук в руки Анатолия Павловича, в долги, в эту конуру на два отсека, что каждым скрипом половиц шипела мне в спину: «*Смотри. Вот она, цена твоей жизни. Ничего*».

Он долго молчал.

– Неделя, говоришь?

– Неделя.

Он повернулся на спину. Скоро его дыхание выровнялось. А я лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как между нами повисло не привычное молчание-стена, а что-то неуловимое и новое, первый ледок на реке, по которому ещё страшно ступить.

~

Привкус ночного разговора с Виталием всё ещё был на губах, когда звонок вырвал меня из очередного кошмара.

– Ты где?

– На автобус иду. – Нагло соврала я подруге.

– Планерка через 10 минут!

Кисть руки просверлило невидимым перфоратором.

– Прикрой меня! – Проскулила я с болью.

Ударил по перине. Резь не прекращалась. Встала.

Время в пути в приложении такси не оставляло надежд. Я опаздывала.

Я влилась в застывшую толпу. В собравшихся я узнала несколько директоров из других филиалов и осознала насколько сильно влипла, опоздав именно сегодня. Встретившись со мной взглядом, Анатолий Павлович жестом призвал к стойке регистратуры.

– А это наш руководитель колл-центра Ольга Юрьевна! – Его пальцы впились в мое предплечье. – Не хотите что-нибудь сказать?

Я сделала глоток воздуха, чувствуя, как голос предает.

«...Мне крайне повезло работать под руководством Анатолия Павловича.» – Фраза о «желании помогать людям» сорвалась натянутой, заученной нитью. Начальник похлопал меня по плечу, и его шёпот обжёг ухо: «Костюм не могла надеть?» Я съёжилась, отступая за спину Кирилла.

Новый руководитель отдела продаж, Пахомов Виктор Петрович, появился не как новичок, а как хозяин, молча изучающий свои будущие владения.

– Он такой brutальный с этой бородой, – прошептал Кирилл.

Я раздраженно хмыкнула. Это была наша профессиональная смерть.

– Откровенно, пока мне нечего сказать, – его голос был шершавым, но теплым, как потрескавшаяся от времени кожа старого кресла. – Я пришёл в компанию всего лишь год назад. Уверен, что здесь стоят люди, которые меня могут научить куда большему.

Он склонил голову, но в этом жесте не было подобострастия. Это был поклон фехтовальщика перед дуэлью.

– Не прибедняйтесь! – фальшиво рассмеялся Анатолий Павлович. – Виктор Петрович через полгода возглавил отдел, подняв кассу с двух до четырех миллионов!

– Повезло с командой, – губы Виктора дрогнули в подобии улыбки, но глаза оставались ледяными. – Просто дело нравится. Надеюсь, мы с вами подружмся.

Фраза повисла в воздухе стальным крюком. «Подружим-

ся» прозвучало с той же вежливостью, с какой палач предлагает подставить голову.

Глава вторая

но свобода, скулящая

Густая тишина, как взбитые сливки из стекла и праха, вползла в лёгкие, царапая изнутри, замедляя время до темпа капающей из крана воды.

На столе дымилась кружка – безмолвное подношение Кирилла. Кивка хватило, чтобы ритуал состоялся, но его тут же растоптало грубым:

– А ты здесь что забыл?! – Анатолий Павлович навис над пасынком.

– Поднять настроение.

– Подними кассу! Брысь отсюда!

Начальник развернулся ко мне, и его голос опустился до интимного шёпота, в котором читалась неприкрытая угроза.

– Надеюсь, подготовила оправдание?

– Будильник не прозвонил, – отрезала я.

Его глаза-гальки буравили меня, выискивая трещины.

– Ты как? Порядок?

– Да. Что со мной будет то.

– Оль, зайди вечером. – Он поправил складку на дорогом пиджаке, цветом запёкшейся крови и по-отечески добавил: – Обсудим, что с тобой происходит.

Я упёрлась взглядом в монитор. Точка. Но её тут же стёрло сообщение от Виталия: *«Сегодня ты после работы домой?»*

Офисный стул гортанно скрипнул, словно старый пёс, укладывающийся на ночь. Он знал мой ответ ещё до меня.

«Нет, задержусь», – отписалась я, и система, как верный палач, тут же поглотила чат, одобрительно зашумев вентиляторами.

На лестнице в столовую я врезалась в Виктора. Меня окутал его запах – сухой, тёплый, пахнущий землёй и кожей.

– Спешите?

– Нет, – выдавила я, отступая.

Алина ворвалась в наш диалог и увлекла в прокуренное подземелье столовой. Виктор коротко осмотрел мой поднос: пустая гречка, чай.

– Руководящий паёк? – спросил он и расплатился за еду.

– Эффективный, – парировала я, чувствуя, как краснею.

Он молча снял с своего лотка порцию гуляша, поставил её рядом с моей гречкой и накрыл сверху своей булкой.

– Инвестиция, – сказал он тихо, прежде чем я успела возмутиться. – В вашу работоспособность.

Пока мы обедали, Виктор рассказывал о поездке в Египет, любви к Риму, о своих планах. Я слушала как работает его мозг. Хищная уверенность под вежливой улыбкой.

Вернувшись в офис, я застала Ваню в панике. Его голос в трубке стал заискивающим, тонушим. Я уже шагнула

к нему, как в дверь постучали.

На пороге стоял Виктор.

– Ольга Юрьевна. От Анатолия Павловича.

В этот момент голос Вани стал совсем жалким: «Иван Петрович, ну пожалуйста, я просто оператор...»

Виктор замер. Он весь сфокусировался. Взгляд стал цепким. Он молча передал мне принесённую папку и жестом спросил: «Можно?». Я кивнула.

Он подошёл к Ване не как начальник, а как напарник, и положил ему на стол свой блокнот. Тот, растерянный, уставился на него. Виктор жестом показал: «*Читай*» и начал что-то быстро писать. Иван развернул трубку таким образом, чтобы руководитель тоже мог слышать голос клиента.

Я не видела что именно он писал. Но я видела, как Ване стало легче. Он глубоко вздохнул и его поза из защитной стала уверенной.

– Именно! – Ваня снова оживился, его речь стала плавной, почти убеждающей. – Поэтому мы и предлагаем вам пакет «Всё включено Плюс». Вы не просто бронируете тур, вы покупаете уверенность. Вам не придётся думать ни о чём, кроме собственного отдыха. Никаких скрытых платежей, наш представитель встретит вас в аэропорту и решит любые вопросы. Это не просто цена, Иван Петрович, это инвестиция в ваш комфорт и ваше время.

Я смотрела на Виктора. Этот взгляд... он сбивал меня с толку. Я привыкла читать в мужских глазах расчёт, по-

хоть, скуку, отчаяние, в конце концов. А здесь... тишина. Как в библиотеке, где знаешь – все ответы есть, но нужно приложить усилие, чтобы их найти. Мне было страшно прикладывать это усилие.

Сообщение от Виталия: *«Если в этом месяце опять будет плохо с деньгами, я попросил у матери.»*

«Ты завалил стажировку?»

«Есть вариант получше. Расскажу дома.»

Приглашение от Кирилла сходить в паб вечером стало тем самым якорем, за который можно было ухватиться, лишь бы не плыть обратно в тину домашних скандалов.

Я отписалась в личную группу с подчинёнными, где нет вышестоящего руководства:

«Кто сегодня хотел бы погулять?»

У большей части сотрудников уже были планы, но Алина с Иваном, как мои преданные друзья, обрадовались идее. Мы вместе уже долгие годы, видели много потоков ребят. Одни считали что работа в агентстве не для них и уходили сами, с кем-то приходилось расстаться из-за низких показателей. Потоки сменялись, а мы втроем были становым хребтом колл-центра.

Я пошла на повышение первая, и, видя мой пример, ребята предпочли остаться операторами, но я знала что, если потребуется, могу положиться на них и в своей работе.

«Как тебе он?» – всплыло сообщение от Алины в личном чате.

«Кто?»

«Новенький, этот руковод»

Я посмотрела на подругу, хищно наблюдающую за мной из-за монитора.

«Работай, давай! Где твои двенадцать? Ваня их еще в три часа сделал.»

В компании, где руководителей годами «выращивали» с самых низов, Виктор, как и Анатолий Павлович, был карьерной кометой – ослепительной и неестественно быстрой. Когда-то я рвалась вверх с тем же рвением. Теперь же тонны отчётов, штрафы за чужие промахи и зарплата, уступающая доходам моих же подчинённых, напоминали не продвижение, а ловушку.

Тень упала на стол ещё до его появления. Начальник распахнул пиджак, его ладонь привычно легла на твёрдую выпуклость живота – поглаживая трофей.

– Ну, как наши успехи? – его голос обволакивал, как тёплый сироп. Пальцы легли мне на плечо, прижимая к стулу.

– Отчёт будет готов к пяти, Анатолий Павлович, – я заставила себя не отстраняться.

Он наклонился так близко, что я почувствовала запах дорогого коньяка.

– Я бы с тобой сегодня поговорил... Но эти дядьки забирают меня на неделю. Не смертельно?

– Конечно, – слово вылетело неприлично бодро.

Он охнул с театральным недоверием.

– Всё управление на тебе. И связь с отделом продаж... наладь. Нам нужно показать, какая мы дружная команда. По-няла?

– Так точно, Анатолий Павлович.

Он сделал шаг к выходу, но обернулся, смягчившись.

– И присмотри за моими оболтусами, а? Хорошо?

Мой кивок позволил ему выдохнуть. Он ушёл, оставив за собой шлейф дорогого парфюма и тяжёлое бремя ответственности.

Визг тормозов – истеричный, протяжный. Чей-то автомобиль, едва не вписавшись в поворот, исчез в сумеречной дымке.

– Прямиком на тот свет собирается, – буркнул Ваня с наслаждением затягивался, будто выкуривая вместе с табаком всю усталость.

Алина, прислонившись к стене, выпустила облако пара. Запах её нового вейпа захватил меня, унося в детство. Я с обожанием смотрела на круглую катушку в руках соседнего мальчика. Он, неторопливо, растягивал полоску жвачки в руках, предвкушая её вкус.

Я потянула бабушку за юбку, жалобно смотря на неё, но она, окончательно сбившись с подсчёта мелочи, скрыла раздражение за улыбкой и бросила: *«Что ты хочешь? Чтобы кишки в узел как у него связались? Такое детям нельзя, только взрослым. Вот вырастишь, купишь свой бабл-гам.»*

Так и не купила – мелькнула во мне мысль и я покачала

головой.

– Я с вами, ей-богу, закурю, – сказала, отходя подальше. Не от дыма – от этой внезапной, липкой общности их компании.

В кармане завибрировал телефон. Сообщения от Виталия вспыхнули на экране:

«Дома будь в 8»

«И включи gps»

Следом пришло голосовое. Я судорожно убавила громкость. Несколько секунд грузного, свистящего дыхания, а потом сдавленный, почти детский всхлип: *«Я не могу... Я больше не могу дышать в этой пустоте...»* Сообщение удалилось.

– Написывает? – Алина подошла ближе.

– Пусть пишет. Очередная манипуляция.

В этот момент из стеклянных дверей выплеснулась шумная гурьба продажников. Кирилл, жестикулируя, вёл свою историю, но его речь растворил другой голос – холодный, ровный, лишённый всяких интонаций.

– Кир. Папа звонил. Интересуется, когда закроется Роберт Ашотович.

Из тени, как её порождение, вышел Саша. Его костюм, стоивший больше нашей совокупной месячной зарплаты, болтался на угловатой фигуре, как чужой, неудобный панцирь. Длинные, нервные пальцы безостановочно перебирали ключ от машины – дорогой игрушки, купленной отцом,

единственного, что давало ему иллюзию статуса.

Кирилл, не оборачиваясь, отмахнулся:

– Он не закроется. А вот ты – закроешь. Верно?

– Не сомневайся, – голос Саши остался плоским и неприятным, как плоскость стекла по которой выводят гвоздем чувство собственной важности.

– Скажи папе, что всё под контролем.

На его лице на мгновение мелькнула гримаса – смесь раздражения и детской беспомощности. Он быстро стёр её, надел маску холодной вежливости, и посмотрел на меня.

– Ольга. Присоединяетесь? – Его улыбка была бы безупречной, если бы не глаза. Ледяные, оценивающие, они скользнули по Алине и Ване, и я буквально прочла в них: *«Ну и компашка. У них, наверное, и на такси не хватит».*

– А почему бы и нет? – парировала я с той же сладковатой ядовитостью.

– Действительно, – он коротко, насмешливо вскинул бровь. – Выпал шанс лицезреть знаменитый колл-центр, о котором папа говорит с таким придыханием. «Дружный коллектив», «атмосфера семьи». Интересно, как выглядит эта идиллия изнутри. Особенно в пятницу вечером.

Он развернулся, оставив в воздухе висящее, колкое жало.

– Да пофиг на него. – усмехнулась Алина, но её щёки чуть зарумянились, а фраза прозвучала чуть громче, чем нужно.

Виктор отделился от коллег:

– Я подвезу. Места всем хватит.

– Я...

– Ольга, не усложняйте. – В его голосе не было просьбы, а лишь спокойное предположение, что его план – лучший.

Я оглянула сияющие морды ребят. Идиоты. Они не понимают, что для него это не дружеская поездка, а тактическая операция по сбору разведданных. Но спорить было лень.

Виктор оказался интересным собеседником – умным, начитанным. Но за уверенностью я угадывала родственную усталость.

Его пальцы задумчиво блуждали по линии бороды, будто выискивая невидимую нить рассуждений.

– А расскажите, кто есть кто? Какие планы на жизнь? – предложил он.

– Давайте начнём с руководителей, – мягко парировал Ваня, оттягивая свой черёд.

– Ты первый, – перебила я, указывая на Кирилла.

Когда очередь дошла до меня, горькие слова вывалились без спросу:

– Юристом стать не мечтала, а вот хирургом – да.

– Так среди нас есть знаток анатомии, – Саша не нежилась в виски, а глотал его стаканами, будто это были шоты, не морщась. – Я был уверен, что ты хорошо знаешь тонкости взаимодействия с мужским телом.

Кирилл предупреждающе кашлянул.

– Прости, лекцию по микропенисам пропустила. – Его ухмылка стала только шире. – Я попала в аварию. Жуткую. Ку-

зов сложился, как бумажный. Я была так близко к тому, к чему шла все эти годы... а потом один хруст металла решил всё за меня. – Я вытянула руку. Пальцы предательски подрагивали. – С таким тремором мне дорога только в мясники.

В запястье снова дрогнула та самая, знакомая боль. Не острая, скорее глухая. Как будто кость долго упиралась в металлический прут, и тело запомнило это давление, даже после того, как прут убрали.

Я спрятала руку под стол, пряча дрожь, и Ваня рассмеялся:

– Тогда ты там, где должна быть.

Именно тогда прозвучал выстрел, которого ждал Кирилл. Тихий, прицельный. Виктор, до этого задумчиво поглаживающий бороду, открыл свой рабочий блокнот и повернулся к Саше:

– Александр, я сегодня забыл задать вопрос. По клиенту Роберту Ашотовичу. Скажи, почему ты сделал ставку на скидку в пять процентов, а не предложил им индивидуальный трансфер и заселение в вип-лаунж до официального чека?

Саша замер с бокалом у губ, словно получил пощёчину. Он не отпил, а одним движением опрокинул бокал. Это было не ради удовольствия, а походило на медицинскую процедуру – гашение внутреннего пожара.

– Я... думал, их бюджет ограничен.

– Логично, – кивнул Виктор, и в его согласии была без-

дна унижения. – Наш питерский филиал работал с его компанией в прошлом сезоне. Они принципиально не экономят на комфорте. Для них ключевым был не процент скидки, а возможность перенести вылет в любой момент без штрафных санкций. – До этого момента Виктор смотрел не на Сашу, а в свой блокнот, будто читал приговор с заранее подготовленного листа. Но теперь, закончив, он поднял глаза. – Это было в карточке.

И тут я это заметила: лёгкое, почти неощутимое подёргивание его колена под столом. Ровный, механический ритм. Меня осенило: он не наслаждался триумфом. Он выполнял ритуал. Неприятный, но необходимый, как хирургический разрез.

«Мне бы твою хватку», – подумала я.

Он посмотрел на Кирилла. По-деловому, но в воздухе повис невысказанный укор.

Запахло дубовым дымом, зирой и мясом с хрустящей корочкой. Этот запах материализовался на массивной деревянной доске, которую внёс официант. Его руки над столом заставили ребят сложить оружие.

Кирилл улыбнулся своей идеальной, ничего не значащей улыбкой.

– Спасибо, Виктор, ценные замечания. Саша, возьми на карандаш.

Его костяшки побелели. Виктор не напал. Он лишь продемонстрировал, что «семейный» отдел работает на интуи-

ции, а не на данных.

Под зыбким шатром из лукового золота, в хаотичном танце застывшей зелени, покоились тёмно-янтарные кусочки нежнейшей говядины, готовые растаять от одного лишь вдоха. По краям надрезов выстукивал ритм прозрачный сок, стекая в лужицы-зеркала. А капли, падая на салатный шелест, гасли с крошечным шипением, отдавая земле свой жар и душу.

– Ты когда вообще последний раз ела?

– В обед, – ответила я Кириллу, не в силах отвести глаз от того, как Алина щипцами снимает самый вкусный ломоть. Мясо легко отделилось от кости, обнажив волокна нежного, розоватого оттенка внутри.

«Такой пир я себе ещё долго не смогу позволить» – кольнула мысль.

– Наедайся. А то мы с тобой тоже в медицине шарить начнём, с таким-то скелетом, – укоризненно сказала подруга, с глухим стуком положив этот кусок мне в тарелку.

Он лежал там, дымясь, обещая нежнейший, тающий вкус. Она потянулась к корзине и взяла лаваш. Тот был ещё тёплым, почти живым от жара тандыра. На его поверхности золотились неровные подпалины, а внутри пузырились воздушные карманы. Она отломилла эластичный край – мягко, беззвучно, и тонкий тестяной лист послушно поддался, выпуская едва уловимый дух свежего хлеба.

– А у меня всё ваше по лайту, – взяла она слово, с насла-

ждением прожѣвая мясо и заворачивая в лаваш новый кусок. Я последовала её примеру. Лаваш обжѣг пальцы. – Ещё два года учиться осталось, сейчас закончу и свалю от вас.

– На кого учишься? – Машинально поинтересовался Саша, впившись взглядом в тихий разговор между двумя кандидатами на должность руководителя отдела продаж и исполнения.

– Гостиничное дело.

– Куда потом? – он поймал взгляд официанта и жестом, полным раздражения, заказал ещё виски.

– Ну, для начала администратором в гостиницу, а там поднимусь до управляющей и открою...

Саша, не дослушав, рявкнул на брата:

– Кир, а папа в курсе, что ты тут с новым «звѣздным» кадром бухаешь вместо презентации? А то опять мне звонить будет, спрашивать, где ты.

Кирилл сжал губы.

– Не твоѣ дело, Саш. Тебе стоит сосредоточиться на своих продажах. За прошедший месяц сколько продал?

Щѣки Саши слегка покраснели. Как только заказ принесли, он одним глотком осушил стопку и щѣлкнул пальцами: «ещѣ».

– Да кому нужны эти твои показатели? – бросил он, но голос выдал обиду раньше слов. – Папа всё равно тебя поставит главным.

– Хватит, – тихо, но твёрдо сказал Кирилл. – Не позорься.

Саша оттолкнул стул и рывком поднялся. Пошатнувшись, он грубо выхватил у официанта виски, опустошил залпом, всунул стакан и смятые деньги обратно в руки работника паба и вышел. Кирилл, стараясь не встречаться ни с кем взглядом, последовал за ним.

Парни закурили. Я отошла под гирлянду, чьи огни напоминали о бесследно утерянном празднике.

– Не помешаю? – подошёл Виктор. – Вижу, день был не из лёгких.

– Проблемы дома, – выдохнула я в темноту.

– Не буду лезть. Но, может, смогу отвлечь? – он кивнул в сторону аллеи.

В этот момент Саша, красный от злости, начал о чём-то спорить с Кириллом.

– Отстань, Саша! – резко бросил Кирилл. – Надоело уже твоё нытьё! Реши свои проблемы сам, я не твоя нянька!

Саша отпрянул, как от пощёчины. Его лицо исказилось от такой чистой, детской обиды, что на мгновение он показался не опасным, а потерянным. Затем эта обида снова сменилась яростью.

– Конечно, тебе же Олечка интереснее, чем брат!

Он плюнул себе под ноги, развернулся и грузно сел на лавочку, доставая телефон.

Кирилл подошёл к нам, всё ещё немного взвинченный.

– Как насчёт того, чтобы продолжить прогулку? – Пожал он плечами и, качнувшись на месте, засунул руки в карманы.

– Я как раз только что предлагал это. – Согласился Виктор и закурил.

На часах было без пятнадцати полночь. Отсрочка на три часа – вот и всё, что мне было нужно. Последней нитью, связывающей с той жизнью, был вибрирующий телефон.

«Ты ответишь мне или нет?»

«Видимо, нет.»

Я нажала кнопку «выкл» с ощущением, будто перерезаю себе вены. Только вместо крови из раны хлынула пьянящая, опасная свобода. От долга, от совести, от самой себя.

Это и есть настоящая жизнь – мелькнула мысль в голове.

– Да, – согласилась я. – Давайте пройдемся.

Мы нырнули в темноту сквера, сбросив за спиной гнев и притворное веселье. Впереди ждала свобода – выстраданная, но бесподобная.

Тени от живой изгороди и ив скрывали нас от мира. Фонари, изогнутые, как скрепки, отливали тусклым металлом.

Рассказ Кирилла о клиенте, «который смог», прервал звонок. Он отошёл, извиняющимся жестом попросив минуту, оставив нас в зыбком вакууме, где пахло ночной сыростью и неловкостью.

– Может, невпопад, – Виктор нарушил тишину, и вопрос прозвучал не как вопрос, а как осторожное прикосновение к запретной грани. – Но в разговоре промелькнуло, что ты замужем. Почему не носишь кольцо?

Сердце не упало – оно сделало резкий, болезненный скачок, точно сорвавшись с цепи.

– Его нет, – выдохнула я, и это прозвучало как признание в совершенном преступлении. – Свадьба была бедной. Не до колец.

Я наблюдала за ним, и впервые заметила странную расфокусированность его взгляда.

– У тебя плохое зрение?

– Линзы забыл, – он отвел глаза, и в этом жесте была непривычная уязвимость. – И тоже опоздал. Не так эффективно, как ты, но...

– Последнее время очки считаются сексуальным аксессуаром. – Заметила я. – А почему опоздал?

– Отец. Позвонил в неподходящий момент.

– Вы редко общаетесь? – я нащупывала почву, боясь сорваться в пропасть.

– Он не общается. Он проводит смотр. «Какие показатели? Когда повышение?» – Он говорил это с каменным лицом, лишь нога отбивала резкую, нервную дрожь. – Чтобы было чем хвастаться перед друзьями. Оправдать вложения...

Он резко оборвал себя, ища в возвращении Кирилла своё тактическое отступление.

Мой друг извинился, сославшись на срочные дела, и его фигура быстро растворилась в ночи. На прощание Кирилл мягко кивнул мне, напоминая о своей просьбе узнать Виктора поближе.

– Я уж начал думать, вы с ним пара, – осторожно заметил Виктор, когда мы снова остались одни.

– Нам нечего друг другу предложить, чтобы быть вместе.

– Редкая честность. Значит, требовательная?

– Это всё равно, что если бы мы с тобой стали встречаться – восходящая звезда и заложник собственного провала. – Я рассмеялась только что сформулированному описанию и поделилась им с собеседником: – Карьерное самоубийство.

Мы шли по аллее, и тишина между нами была не пустой, а густой, как мёд. Воздух был тёплым и влажным, обволакивающим.

– Пахнет грозой, – сказала я, просто чтобы разбить эту сладкую, невыносимую напряжённость.

– В Египте воздух суше. Пряный. Пахнет песком и неизвестностью.

Он говорил о далёких странах, а я думала: мы из разных вселенных.

Ледяная волна от системы автополива окатила меня с ног до головы, и его смех прозвучал как щелчок – он видел меня не начальником, а живым, растерянным человеком. И помог тем, что было в его силах – своим платком.

– Почему ты приехал сюда? – спросила я, стирая с лица воду и вспоминая обещание, данное Кириллу.

Аккуратно сложила мокрую ткань, протянув ему.

– Это сложно.

– Я не дорожу личным временем.

Виктор сел на лавочку и закурил.

– Расстался. Не мог оставаться в том городе. Попросился в командировку.

Я смотрела на него, пытаюсь наложить этот образ – человека, бегущего от боли, – на портрет бездушного карьериста.

Села рядом, отметив лёгкое подёргивание его колена.

– Я думала, ты ставишь амбиции превыше чувств.

– Разве я похож на бездушную машину? – в его голосе прозвучала сдерживаемая резкость.

– А почему вы расстались?

– Увидел её с «другом». О котором не должен был беспокоиться.

Его слова повисли в воздухе острым осколком. И я вдруг поймала себя на мысли: а наша прогулка для него – не тот ли самый «друг»?

– А тебя не ждут? – его вопрос врезался в мои мысли, как подтверждение догадки.

– Не ждут, – резкость в моём голосе была защитой. – Ему всё равно.

– Почему не уйдёшь?

– Накоплю – уйду. Не хочу никого втягивать в свои проблемы.

– В этой компании меня учили, что команда – это когда помогают.

– Мы сейчас не на работе. – Я отсекала это. Его помощь

была бы для него риском, а для меня – унижительной подачкой.

Мы вышли к фонтану. Вода била в небо, окрашенная в багровое и ультрамариновое.

– Тебя уважают в офисе, – сказал он, глядя на воду, а не на меня.

– Их штрафы вычитают из моей зарплаты. – Я закусил губу, чувствуя, как горечь подступает к горлу. – Идеальный рецепт обожания.

– Эффективно.

Он улыбнулся уголком рта, и эта улыбка была шифром, который я не могла разгадать.

– Ты произвёл впечатление планирующего чётко свою жизнь человека. Такое спонтанное желание переехать просто из-за девушки звучит неуместно.

– Это и есть план. – Его взгляд стал острым, как скальпель. – Новая площадка, руководящая позиция. Потом сделаю собственный бизнес, построю дом. Но с женой торопиться не буду.

– Почему? – Заинтересовалась я, отмечая его уверенность.

– Раны заживают долго. – Вся легкость исчезла из его голоса. – И с временщиной устал иметь дело. Не хочу, как отец, в работе утонуть. Хочу найти... свою. Чтобы можно было отдаться без остатка и получить то же взамен. Те отношения были односторонними. Я был просто... удобным придатком,

функцией.

Он говорил, глядя в темноту за фонтаном. Его плечи были напряжены под невидимым грузом.

Его слова о доверии и отдаче ударили в незажившую рану. Я резко отвела глаза, делая вид, что меня ослепил свет фонтана и призналась:

– Меня, как женщину, это... обезоруживает. Прямо хочется тебе понравиться.

Он коротко кивнул, и в его глазах мелькнула та же искра признания.

– А меня – твоя прямота. В ней есть мужество.

– У меня достаточно тяжёлая жизнь, чтобы я могла себе это позволить. – Я посмотрела на его сжатые кулаки, и слова пошли сами, тихо. – Знаешь, после расставания кажется, будто часть себя навсегда осталась там, в прошлом. Но это ложь. Это привычка. Как шрам, который всё ещё чешется. Мы держимся за старую боль, потому что она даёт какую-то определённость. Свой, мазохистский уют. А будущее – не понятно что там.

Он беззвучно усмехнулся.

«Кто ты?» – читалось в его глазах.

Виктор закурил и уставился в звёздное небо.

В облаке дыма его черты утонули, скрывая от меня эмоции.

– Это... тебя останавливает уйти?

Прямота его вопроса застала меня врасплох.

– Долг. – Коротко ответила я и скрестила руки на груди, чувствуя как вечерняя прохлада пробирается под кожу.

– Если бы мы были друзьями, – сказал он тише, – знаешь что бы я посоветовал? Составить список. «За» и «против» – на бумаге. Чтобы увидеть разницу между долгом и жалостью. Но это пока не мое дело.

– Пока? – я провела языком по пересохшим губам. – То есть... есть шанс, что станем?

– Решим.

Впервые за долгие годы кто-то говорил со мной не как с функцией «жена» или «сотрудник». Он говорил как с равным по несчастью. И его слова обжигали больше, чем холод Виталия. Потому что в них была та самая правда, от которой я так долго бежала.

Фонтан взметнулся ввысь фиолетовым столбом, рассыпаясь алмазной пылью, что на миг застыла в воздухе, прежде чем исчезнуть. Мы стояли, слушая его шум, и тишина между нами была громче любого слова.

Его мизинец коснулся моего. *Тепло*. Легко, почти случайно. Затем его ладонь накрыла мою – не сжимая, просто укрывая от ночной прохлады. Это было не сплетение пальцев, а молчаливый договор. Двух солдат, нашедших друг в друге тыл.

Он проводил меня до угла. Перед тем как расстаться, его рука на мгновение легла мне на спину – лёгкое, почти неведомое прикосновение, которое прожигало сильнее любых

объятий.

Дверь дома отворилась с тихим, предательским щелчком. В прихожей пахло старым маслом и тоской. Я сняла туфли, поставила их в ряд, выстраивая последний оплот порядка перед хаосом.

В спальне он лежал, отвернувшись к стене. Дышал слишком ровно для спящего. Я положила часы на тумбочку. Щелчок браслета прозвучал как холостой выстрел.

Лежа под одеялом, я смотрела в потолок, чувствуя, как ледяная простыня высасывает из тела последнее тепло. Его спина была бетонным берегом, от которого меня уже отнесло течением.

– С кем была?

– С Виктором. – Я бросила имя в темноту, как вызов, и спрятала руку под одеяло, вспомнив тепло коллеги.

– Новенький? – в его голосе скользнула тень собственничества.

– Да.

– Почему на телефон не отвечала? – он повернулся на бок и я ощутила ожидание моего оправдания, чтобы снова почувствовать себя правым.

– Разрядился. – Ложь далась неестественно легко, удивив меня. – Ты же помнишь, он не держит заряд.

Он ждал. Тишина сгущалась, как кровь на ране.

– Ничего не хочешь рассказать? – он глубоко вздохнул, и этот вздох был полон театрального страдания.

– Нет. А ты?

Последовал укол. Слабый, не точный:

– Я не задерживаюсь после работы до трёх ночи.

– Так у тебя и работы нет. – Ответный удар. Быстрый, безжалостный. Я сама испугалась своей жестокости.

Больше ни слова. Я отвернулась.

В ушах стоял шум фонтана, а на ладони горел след его прикосновения.

Чувство накрыло меня с головой, как волна, и потащило прочь. Прочь от бетонной коробки, озябшей постели, мёртвого молчания.

~

Утро началось не с будильника, а с тихого уведомления в телефоне: «Кредит полностью погашен». Цифра ноль смотрела на меня с экрана бездушным, но желанным взглядом. Это была последняя нить, связывавшая меня с той реальностью – с белизной больничных стен, вьёвшимся в ноздри химическим запахом и плоскими, как монеты, глазами врачей.

Облегчение разлилось по венам – густое, как сироп. Достаточно сладкое, чтобы крепко заваренный чёрный чай показался вкуснее.

Вот уже сколько лет этот крепкий чай – мой личный дозор. Напоминание: сначала расплатись со всеми долгами, а уж потом пируй. А пока... Как говаривала бабушка: *«он хоть и горький, да не горчее того, что судьба подносит»*.

Шнуровка платья запуталась и волосы скользнули по спи-

не напомнив легкое прикосновение Виктора.

И что он только у меня в голове, гнездо свил что ли?

Раздражённо вздохнув, я села на диван. Я провела с ним весь вечер и часть ночи, а рассказать Кириллу было решительно нечего.

Потянулась за чашкой, и краем глаза поймала всплывшее уведомление: «*Ну и как тогда?*» От Олега.

Словно лёгкий щелчок по больному нерву.

Отравляющее любопытство кольнуло под ребро. Я сделала глоток чая, обжигая язык, и движением, полным странной, мазохистской жажды, открыла чат.

Олег: «*Ну и как тогда?*»

Вит: «*Да хрен его знает. Она на развод подавать собралась.*»

Олег: «*Держись, братан. Может, еще поговорить? Выяснить, чего она хочет?*»

Пауза, которая тянулась вечностью. И потом – не слова, а лезвия.

Вит: «*О чем? Я ее в глаза видеть не могу. Не потому что ненавижу. А потому что вижу в них то, кем я стал. Нищим неудачником, который не смог ни ребенка спасти, ни жену удержать. Она работает, как лошадь, а я... Я даже нормальную работу найти не могу. Она права, я – мусор. И самое ужасное, что я не знаю, как это исправить. Просто нет сил больше. Кончились.*»

Я вырубил компьютер. Резко, одним движением. Обо-

рвавшийся гул вентиляторов оглушил меня, будто в уши насыпали раскалённого песка. Это не было жалостью. Не было триумфом. Это была тошнотворная тяжесть чужого падения – вина за саморазрушение, в которое я отказалась последовать. Я смотрела в эту пропасть, зная, что не протяну руку.

«Дура, – прошептала я, с силой проводя ладонью по лицу. – Просто дура».

И офис встретил меня, как встречает строгий родитель провинившегося ребёнка – холодно, с запахом остывшего кофе и пылью, осевшей за ночь на мониторах, подобно пеплу. Без людей это место было скоплением мёртвой техники – бездушных, чёрных саркофагов, хранящих тайны вроде той, что я только что прочитала дома. Но это был мой саркофаг. И сегодня его стерильный холод был мне роднее духоты чужой квартиры.

– В восемь утра ты можешь до кого-то дозвониться? – Разрезал тишину голос за спиной. Я обернулась. Саша.

– Многие уже в пути, стоят в пробках. В это время они чаще берут трубку.

Он лениво опустился в кресло рядом. Я инстинктивно отстранилась.

– Знаешь, я за тобой наблюдаю, – произнёс он негромко, обжигая словами нервы.

– И что же ты видишь? – спросила я, сама удивляясь своему спокойствию.

– Вижу, как старательно ты вписываешься. Особенно –

в компанию моего брата.

В воздухе повисло тягучее, невысказанное обвинение. Я упёрлась взглядом в экран, силясь разглядеть в расписании хоть какой-то смысл.

– Кирилл – приятный собеседник и блестящий профессионал. Мне есть чему у него поучиться.

– О, да, – прошептал он, наклоняясь так близко, что я почувствовала терпкую волну его кислого парфюма. – Он тебя многому научит. Только смотри, не переучись.

Слова стекали с его губ ядовитой патокой.

– Саша, у тебя есть ко мне претензия? Говори прямо.

Он отпрянул с комическим ужасом, подобно отброшенному щенку.

– Помилуй, какие претензии? Я просто беспокоюсь. Ты так легко сошлась с Кириллом... Боюсь, ты питаешь иллюзии. Решись, что ты здесь своя, почти член семьи.

Его сладкая, уничижительная нежность ошпарила меня. Это было не беспокойство – это была демаркация. Чужачка.

– Мои иллюзии – моя личная территория, – я сделала движение, чтобы встать, но он оставался неподвижным, продолжая блокировать меня в кресле. – А сейчас мне нужно работать.

– Разумеется, работай, – наконец поднялся он, окидывая меня оценивающим взглядом.

Тревога, до этого клубящаяся где-то на периферии, сгустилась в плотный комок, когда в дверях колл-центра возник

Анатолий Павлович.

– Доброе утро, – сухо бросил он, делая несколько шагов в нашу сторону.

Осанка Саши мгновенно преобразилась, тело наполнилось подобострастной энергией, а лицо расплылось в беззаботной, почти мальчишеской улыбке.

– Доброе!

Анатолий Павлович проигнорировал эту мгновенную метаморфозу.

– Через полчаса – собрание.

Александр вышел, и я впервые за это утро позволила себе выдохнуть.

Спустя полчаса я, с трудом гася внутреннюю дрожь, смотрела на спину начальника стоявшего у окна.

Наш отчёт был закончен, и в кабинете висел лишь унылый бубнёж Александра о планах.

– Саша, – голос отца прозвучал резко, как пощечина. – Две продажи. За три месяца.

Он сказал это спокойно, но каждое слово вжимало Сашу в пол, заставляя сутулиться всё ниже.

– Объясни мне. Объясни, почему твой брат и эта девочка, которая вкалывает как проклятая, пока ты катаешься на машине, которую я тебе купил, показывают результат, а ты – нет? Они – будущее этой компании. А ты? Скажи мне, кто ты?

– Я... я стараюсь, – выдавил Саша, сжимая кулаки до по-

беления костяшек.

– Стараешься? – Отец коротко фыркнул, откинулся в кресле и смерил его взглядом, полным ледяного презрения. – Старания не оплачиваются. Оплачивается результат. Посмотри на Виктора.

Он кивнул в сторону молчаливого руководителя, стоявшего вполоборота, будто изучая пейзаж на стене. Его отстранённое присутствие было в тот момент самым унижительным. Он был живым воплощением беспристрастной оценки, свидетелем, чья тишина звучала громче любого крика.

– Он приехал из Питера и за неделю сделал то, что ты не смог за три месяца.

Виктор молча и внимательно наблюдал за разбором, медленно поглаживая бороду.

– Я твой сын, – прошептал Саша, и сразу же замолк, осознав уязвимость этих слов.

– Именно потому ты до сих пор здесь, – безжалостно парировал наш руководитель. – Исправляйся. У тебя месяц. Или я найду для тебя место. Там, где ты не сможешь тянуть на дно дело всей моей жизни.

Саша вылетел из кабинета первым, и оглушительный хлопок двери отозвался в тишине взрывом.

– Свободны, – не глядя на нас, отсек Анатолий Павлович, махнув рукой.

День тянулся мучительно, нудно, словно резина, растягивая каждую секунду.

Воздух кофейни ударил в лицо ледяным паром. Словно шагнула в другой мир. Чужой, беззаботный.

За стойкой возилась пухленькая девушка – та самая, с ямочками на щеках. Её взгляд, обычно лучистый и дружелюбный, сегодня был пристальным и печальным. Я потупила глаза, пытаюсь стать невидимкой.

– Снова не своя, родная? Сейчас, я знаю, что вам нужно!

Я хотела возразить, сказать, что мне ничего не нужно, что я сама не знаю что здесь делаю. Но она уже доставала тот самый шоколадный маффин. Тот, на который я всегда смотрю краем глаза, но никогда не решаюсь взять. Слишком уж он походил на праздник, на который меня забыли пригласить.

– За счёт заведения, – подмигнула она, щедро посыпая его корицей. – Только сегодня.

Держа в руках этот тёплый, благоухающий сдобой и грехом комочек, я вдруг почувствовала острую, унижительную волну стыда. Контраст между этим невинным теплом и моей собственной, изголодавшейся по ласке душой, был невыносим. Это было гораздо больнее, чем любое прямое оскорбление.

– Спасибо... – мой голос сорвался на шёпот.

«Триста двадцать рублей. Две пачки лапши. Полчаса моего труда». Пальцы нащупали мелочь в кармане – старая привычка быть готовой к точному расчёту с жизнью. Но сегодня я куплю этот чёртов маффин. Иначе сломаюсь.

Я сунула десерт, завернутый в салфетку, на дно сумки,

словно улику, и расплатилась, оставив сумму чуть большую. Взяла кофе и стремительным шагом вышла из заведения, не оглядываясь.

Мне нужно было бежать. Эта доброта обожгла больше ненависти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.